

Калмыков Равиль Баширович

По обе стороны человеческого опыта

Аннотация

В ходе интроспективного исследования сферы частного бытия человека с позиций модернизированного материализма получила современное развитие кантовская концепция «трех миров». Акцентированы их прагматическая сопряженность, психологическая сцепка посредством веры и неизбежность трансценденции.

E-mail: ravil8@yandex.ru ;

Персональная страница <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-336.phtml>

Зеркало страницы <http://sinthes.boxmail.biz/>

Онтология человека

Научный материализм, сильный своей опорой на стихийный материализм прагматически мыслящих людей и большинства ученых, как показывает история последних столетий, оказался, тем не менее, бессилем на поле практической философской брани, при осмыслении и обсуждении конкретных актуальных проблем возникновения, существования и развития отдельных природных образований, будь то предметы неживой природы, организмы, люди, социумы или сконструированные человеком устройства и программы. Принципиальные основания материализма – детерминизм и монизм – в течение нескольких последних столетий практически не развивались. В этом, на наш взгляд, основная причина прогрессирующего отставания материализма от конкурирующих учений.

Примитивизм редуктивного и элиминативного материализмов ныне является предметом насмешек. Необоснованность амбиций диалектического материализма, являющего собой всего лишь шараханье в иную, диалектическую крайность по отношению к метафизическому материализму, вполне очевидна. Глубокомысленные соображения представителей «эмерджентистского материализма» о «чудесном» возникновении у каждой отдельной сложной природной сущности, особенно у культурно развивающегося человека, особых системных свойств (в частности, сознания), отсутствующих у слагающих их элементов, представляют собой «гуманитарное» изложение давно известного в философии науки феномена возникновения системных свойств. Последний, кстати, до сих пор так и не получил в материализме внятного онтологического объяснения, так что апелляция к нему оборачивается для этих исследователей скорее минусом, чем плюсом.

Все эти печальные факты привели автора данной статьи к выводу о необходимости существенной модернизации материализма и его методологического фундамента. Так на свет появилась философия синтезирующего реализма. Методологическое ядро этой философии составляет тандем теорий «кольцевого детерминизма» и «многогранного монизма», основы которых изложены в [1,2].

Освещение с позиций последнего проблематики возникновения, существования и развития предметов и полевых образований в неживой природе уже достаточно обстоятельно сделано в ряде работ автора [1, 3, 4].

В разделе «Причинные основания феномена жизни» работы [2] представлены ключевые моменты, на которых настаивает синтезирующий реализм в отношении ряда принципиальных аспектов бытия живой материи.

В нескольких разделах тех же работ [1,2,3] рассмотрены различные аспекты взаимоотношений и взаимодействий внутреннего субъективного мира человека и внешнего природного мира, в том числе в эмпирическом и когнитивном планах.

В данной работе хотелось бы подвергнуть соответствующему исследованию сферу частного бытия человека. Напомним, причинная база относительно обособленного частного бытия любого отдельного природного образования имеет своей опорой реальное локальное детерминирующее начало, циркулирующее по замкнутому контуру в недрах носителя [1]. Именно оно обеспечивает автономию и своеобразие, в данном случае, отдельного человека, социума, специфику их отдельного частного бытия. Это частное бытие развивается на поддерживаемом указанным началом локальном онтологическом «островке» реальности, обладающем, еще раз подчеркнем, элементом автономии по отношению к остальной реальности.

Комплексная причинная теория и онтология синтезирующего реализма предусматривают и комплексное освещение частного бытия человека по аналогии с частным бытием прочих отдельных природных образований [3]. Изначально устанавливается необходимость двоякого исследования, как «снаружи», с позиций внешнего объективного мира, так и «изнутри», с позиций субъективного внутреннего мира. Параллельно следует решать задачу налаживания между ними соответствующих «мостов».

Частное бытие человека: вид снаружи

Каким предстает поле частного бытия человека на фоне безбрежного поля бытия остальной природы? Согласно синтезирующему реализму, его можно представить себе в виде особой нелинейной потенциальной «ямки» на ровном линейном поле. Наряду с традиционным «обменным» детерминизмом природы здесь действует свой специфический кольцевой детерминизм, который формирует местное потенциальное силовое поле

центрально-симметричного характера, слагаемое, очевидно, как и все прочие подобные поля, в соответствии с законом «обратных квадратов».

Данный закон предусматривает довольно резкое ослабевание силового поля с удалением от центра «ямки», поэтому можно смело утверждать, что внутренний кольцевой детерминизм частного бытия человека имеет ограниченные пространственные рамки своего актуального действия. Природа кольцевого детерминизма предусматривает ограниченность существования его материальных носителей и во времени. Как и у любого другого кольцевого или вихревого образования, продолжительность жизни у человека и его внутреннего детерминирующего начала вполне строго «отмерена» природой. Данные обстоятельства побуждают сформировать объективно-философскую концепцию частного бытия человека, суть которой состоит в признании его локального и специфически нелинейного характера.

Бытие в рамках такой «ямки» должно характеризоваться сугубо «местным» масштабом и системным колоритом. Центральный характер взаимодействия с окружающим миром в совокупности со свойством самосохранения, присущим обладателям внутреннего кольцевого детерминизма, подразумевает эгоцентрические и эгоистические организующие черты в бытии человека, соответствующую этому систему стимулов и ценностей. Закон «обратных квадратов» предусматривает как повышенный интерес человека к вещам, событиям и социумам в его ближайшем окружении, так и резкое ослабевание этого интереса с удалением от него. Именно поэтому человек так любит себя и свою семью, своих друзей, свои вещи, свою спортивную команду и свою страну. Именно потому так ненавидит бывшего супруга, более успешного коллегу и зловредного соседа. Именно потому так вольготно живет в центре, и так скверно – на отдаленных окраинах.

Факт непрерывного развития человека и сферы его обитания, расширения им своей природно-культурной ниши вовсе не посягает на принцип локальности его частного бытия. Частное бытие отдельного человека, социума или всего человечества в любой момент времени представляет собой все ту же, пусть и несколько расширившуюся и углубившуюся, компактную «ямку» на безбрежном поле природы.

Взаимодействие человека с прилегающим участком природы определяется компромиссом алгебраического сложения двух упомянутых выше детерминирующих полей. Расширяя нишу своего частного бытия, человек подчиняет своим целям внешние предметы, осваивает их, простирает на них сферу действия своего внутреннего детерминизма. Одновременно, вступая в новую неизведанную сферу действия внешнего природного детерминизма, он вынужден сам подстраиваться под новые правила поведения, диктуемые новыми открывшимися закономерностями, трансформировать свое бытие с

учетом обновленных внешних условий. При этом соответственно усложняется-оптимизируется и алгоритм его поведения, и его модельное представление об освоенном им участке мира.

Учитывая принципиальную локальность сферы частного бытия человека, следует сделать неизбежный вывод о заведомой ограниченности потенциала человеческого покорения-преобразования-освоения мира. Принимая же во внимание тесную увязанность, взаимоопределяемость человеческого познания с практикой указанного освоения, следует также признать и факт заведомой ограниченности его познавательных возможностей. Потенциал знания человека жестко определен, ограничен локальными рамками сферы его частного бытия, этой пресловутой компактной «ямки» на безбрежном поле природы. Получается, утверждать что-либо определенное человек имеет серьезные основания лишь в отношении вещей и событий на этом освоенном им компактном «пятачке» Природы, да и то – с учетом текущей глубины их практической освоенности. Строго говоря, на этом «приземляющем» факте со всей очевидностью должна основываться общая концепция и методология науки, в том числе и философии. В частности, очевидна несовместимость с этой методологией безудержных теоретических фантазий о бытии всего бескрайнего мира, субстанции, материи, в том числе «живой» и «мыслящей», «вселенских взрывов и расширений» и пр.

Антропологический принцип в философии

Один из самых ощутимых отрезвляющих ударов по необузданному романтизму ранней древнегреческой философии был нанесен Протагором из Абдеры (490-420 г.г. до р.х.). Его перу принадлежат следующие сентенции: «Человек – мера всех вещей», «...какой мне кажется вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она, в свою очередь, для тебя».[5] С тех пор философия вынуждена соизмерять свои положения с Человеком, которым, по поводу которого и для которого, в сущности, она и создается. В философию, таким образом, решительно вошел антропологический принцип.

Ряд разновидностей материализма, страдающих откровенным объективизмом, объявили этому принципу войну: в их схемах мироздания единственной реальностью признавалась всеобъемлющая материя-субстанция. Человек же, как и все прочие отдельные единичные предметы, мог рассчитывать здесь лишь на роль слепого бесправного слагаемого, «винтика необъятной машины», «продукта природы», не заслуживающего сколько-нибудь определенного онтологического статуса. Иной подход продемонстрировал в свое время Л.Фейербах, расценивавший «человека, включая и природу, как базис человека», в качестве единственного, универсального и высшего предмета философии [6]. Антропология, таким образом, возводилась Фейербахом в ранг универсальной науки. Так что у

материализма был в свое время шанс «подружиться» с антропологией, которым он, к сожалению, не воспользовался.

Сегодня можно считать общепризнанной значимую заслугу великого Канта в расчленении реальности на три особых мира: трансцендентный («вещи в себе»), трансцендентальный (разум, мышление) и феноменальный (эмпирика, опыт) [7]. Третий, эмпирический мир, мир опыта, практики в отечественной философии оставался пока без должного внимания. А между тем, мода в просвещенном философском мире уже давно утвердилась как раз на эмпирических тенденциях. И это вполне закономерно.

Засилие метафизики в западно-европейской философии XVII-XVIII веков сказалось, кроме прочего, в тотальном господстве рационализма: гипертрофировалась роль сознания и мышления во внутреннем мире и в бытии человека, в трактовке его познания. Из сочинений того времени следовало, что сознание и мышление полностью ответственны за все процессы во внутреннем мире человека и полностью контролируют его мотивацию, а также всецело регламентируют его жизнь рациональными понятиями и представлениями. Вплоть до того, что познание расценивалось в качестве основной функции и потребности человека.

Ввиду этой тенденции противопоставление внутреннего и внешнего миров человека неизбежно сводилось-редуцировалось к прямому сопоставлению сознания и мышления с внешним миром, «через голову» человеческого или социального организма со всеми его частными проблемами и потребностями, с его развивающимся материальным, психическим и социальным опытом.

Такой вопиющий перекокс не мог существовать вечно. Ответом на него и явился в XIX-XX веках масштабный взлет философского эмпиризма в нескольких его разновидностях. Волюнтаризм, феноменология, экзистенциализм, «философия жизни», позитивизм, эмпириокритицизм, прагматизм и др. школы философии повели массивное наступление на рационализм, потеснив в итоге как теологию с теософией, идеализм, так и материализм. Эмпиристы исправили указанный выше перекокс в отношении роли и места сознания, добившись «фазы скромности сознания». Сознание теперь стало выступать не в роли командира корабля под названием «человек», а скорее в роли штурмана, послушно прокладывающего курс в соответствии с поставленной практической задачей.

В начале прошлого века некоторые марксисты делали попытки «подружить» материализм с эмпиризмом в духе того времени. Однако резко «получили по рукам» от товарища Ленина на страницах его книги «Материализм и эмпириокритицизм» [8]. В итоге бескомпромиссной идеологической войны материализм фактически самоустранился с поля животрепещущих философских баталий. Не слишком выручила и специально созданная для выправления ситуации марксистско-ленинская концепция практики [Там же, с.145-146]. Замешанная на отрицании активной роли человека-субъекта, она оказалась остро страдающей объективизмом:

категории «практика» и «труд» приобрели в ней пугающие фантастические самодостаточные качества надприродного и надчеловеческого всемогущества.

Частное бытие человека: вид изнутри

Проводником в «интроспективном» путешествии по миру частного бытия человека волей-неволей приходится избрать собственное сознание, которому открыты недоступные для внешнего наблюдателя внутренние явления и процессы, и за которым природой закреплена задача их сопровождения и интерпретирования. Такой выбор, надо отметить, идет вразрез с традиционным материалистическим подходом, в рамках которого любое внутреннее явление, в том числе тончайшее движение души рассматривается с позиций сурового внешнего наблюдателя-редуктивиста. Это знаменует не просто вступление материалистического начала на прежде игнорируемое им феноменологическое поле, но и строгое организационное структурирование им этого поля, гармоничное включение последнего в систему философского знания.

Принципиальная позиция философии синтезирующего реализма состоит в том, что любой обнаруживаемый локальный онтологический «островок» должен быть адекватно представлен на общем философском «древе». Следовательно, если принять во внимание наличие общих видовых черт у всех представителей человечества, приходим к выводу о возможности и необходимости создания общей философии частного бытия человека (то же самое касается и социума). Если разобраться, элементы этой философии на сегодняшний день уже обильно разбросаны по многочисленным философским учениям субъективистов и эмпиристов, в последнее время – весьма плотно в экзистенциально-антропологической философии. Предстоит все это собрать, сосредоточить и строго локализовать в единых системных рамках.

Вышеприведенная формула Протагора, характеризующая существо антропоцентрической позиции, должна с учетом вышесказанного лечь в фундамент становления этой философии. Задача последней - осветить ситуацию с позиций внутреннего психофизиологического мира, дать особое видение мира изнутри человека.

Поскольку речь идет о философии, как порождении человеческого разума, то в ней неизбежно должен присутствовать как общий антропологический элемент, так и элемент, характеризующий работу этого разума. Отсюда – вывод: начинать строить нашу особую философию будет правомерно не с каких-то абстракций вроде «субстанции» или «материи», а с очевидных аксиом, присущих частному, локальному человеческому бытию и мироощущению. В связи с этим отправной точкой философии следует

признать то, на чем человек способен ловить себя в акте простейшей рефлексии. Подходящим на эту роль считаем первичное неразложенное дильтеевское «переживание» [9]: все, что человеком ощущается, чувствуется, испытывается, мыслится, что составляет весь его внутренний мир, совокупность элементов «потока жизни» в их единстве и взаимосвязи. Этот момент уже был отражен нами в работах [10,11]. Реальность «переживания» признается нами, таким образом, в качестве отправной точки, аксиомы философии частного бытия. Это наипервейшая реальность, которая открывается перед человеком. В наиболее девственном недифференцированном виде она предстает перед народившимся младенцем и перед больным, у которого восстановилась работа тех или иных органов чувств.

Итак, первый шаг сделан. Как быть дальше с этим «переживанием»? Можно, по примеру крайних эмпиристов-скептиков, на этом в своих представлениях и остановиться. Рассматривать частное «переживание» человека-субъекта в виде аморфного неразложимого целого или в виде бесформенно-сумбурного «жизненного потока» и беззаботно поплевывать в потолок? При такой позиции только это и остается, поскольку никаких рекомендаций к осуществлению каких-либо практических действий по обустройству своего частного бытия человек из этой позиции почерпнуть не может.

Между тем, согласно З.Фрейду, «человеку в сущности ничего не задано, кроме стремления к счастью, достижению удовольствия и избеганию страданий» [12]. Частными средствами достижения всего этого являются конкретные блага, которые нам в дальнейшем предстоит делить на физиологические и психические. Однако блага, способные это доставить, как правило, не возникают сами собой. Опыт сколько-нибудь продолжительного «переживания» демонстрирует, что их надо целенаправленно и упорно добиваться. Поэтому упомянутые факторы предстают на деле в качестве мощных стимулов, приводных механизмов человеческой активности, безудержной организованной деятельности по добыванию благ, причем, как показывает история, во все возрастающем масштабе и многообразии.

Перед человеком и становящейся философией частного бытия во всей очевидности и определенности встает принципиальная дилемма: либо последовательно, до конца придерживаться рамок эмпирического мира, скептически-осторожно не связываться с любой образно-логической обработкой опыта и остановиться на методе проб и ошибок, жертвуя собственной безопасностью, здоровьем, временем и усилиями, набивая бесконечные «шишки», либо с известной осторожностью довериться собственной наблюдательности, памяти и логике (поскольку они, как выясняется, у нас наличествуют в качестве «встроенных» функций нашего «переживания») в целях выявления в недрах «жизненного потока» полезных

устойчивых закономерностей и инвариантов. И жизнь демонстрирует, что активность человека, потребность в успешном практическом действии во все времена и повсеместно ломает установку крайних скептиков. Последние с их «эмпирической чистотой» просто остаются в стороне от фарватера определяющих тенденций развития цивилизации.

Ранее мы уже рассматривали первые очевидные шаги на пути разложения первичного аморфного «переживания» [10,11]. Человек производит первичную логическую обработку своего сырого эмпирического потока и обнаруживает в нем закономерности и инварианты – устойчивые элементы. В качестве главного «встроенного» инварианта человек рано или поздно вычленяет свое «Я» - собственное личностное поле, в котором и разворачивается все интересующее нас действие. Декартовское “*cogito...*” – это ни что иное, как рефлексивное «обнаружение» в недрах потока чувственных ощущений особого рассудочного свойства собственного личностного поля, «встроенной» мыслительной способности собственной субъективности. Это внутреннее поле Гуссерль называл «трансцендентальным Я» [13], эгоистической самоорганизующейся тенденцией, подчиняющей себе деятельность субъекта, самой субъективностью в ее «чистоте» (т.е. вне зависимости от того, чем она наполнена). М.Хайдеггер характеризовал эту «человеческую субъективность» как некий центр, вокруг которого все сосредоточено, некий экран, пред которым пред-стоит все остальное [14].

Идею Канта о «трансцендентальном синтезе», осуществляемом сознанием [15], Гуссерль расширил до констатации системной целостности всей человеческой субъективности [16]. Солидарны с ним Дильтей, подчеркивавший системное единство переживания [9], и Хайдеггер, понимавший субъекта как нечто собирающее все к себе, как основа [17].

Нас не должно обескураживать, что, по замечанию крайних скептиков, человек не имеет перед собой ничего, кроме собственного эмпирического мира. Философия сегодня пришла к пониманию того факта, что эмпирический мир человека представляет собой не просто хаотическое вместилище случайных феноменов, не просто сумбурный неорганизованный поток ощущений, а избирательно формируемый ряд феноменальных событий, протекающих в системно организованном, специфически структурированном русле личностного поля. Кстати, усилиями большой плеяды самих эмпиристов во внутреннем поле феноменального мира человека успешно вычленен ряд составляющих волевого, физиологического и психического характера. Кроме того, имея возможность в известной степени активно управлять этим миром, направлять движение элементов эмпирического потока в нужном для себя направлении, мы в итоге способствуем наполнению собственного эмпирического мира новыми

интересными для нас феноменами, избавлению от неинтересных и неприятных, тем самым регулируя его содержание.

Между прочим, Гуссерль справедливо отмечал [16], что эта наша субъективность как некая неразложимая целостность, как то, что образует исходную почву всякого человеческого опыта и действия, констатируется нами не столь просто и очевидно. Действительно, для вычленения этого начала в пестрой канве потока жизни человеку необходимо специфически активизировать свою наблюдательность, рефлексивность и логику, поскольку таковые сами обнаруживаются нами же в качестве «встроенных» качеств нашего внутреннего мира. Фактически от этого вычленения остается всего один небольшой шаг до решающей догадки о реальном существовании внешнего по отношению к содержимому самого Переживания вмещающего и структурирующего начала, психофизиологического поля материального человека. Однако этот шаг сопряжен с выходом за пределы чисто эмпирического мира, с уверованием в существование материального мира, и эмпиристы на это не решились.

Декарт «поймал» себя на логической функции своего личностного поля. Кто-то другой, обратив внимание на то, что «переживание» предстает в виде последовательной череды сменяющихся друг друга чувственных образов, мог с таким же успехом «поймать» себя на другой «встроенной» функции - собственном образном мышлении. Можно и нужно «ловить» себя на массе прочих «встроенных» свойств нашего личностного поля, если хотим познать это поле во всей возможной полноте.

Догадка, в той или иной степени достоверное логическое предположение, подкрепляемое верой в его адекватность, является собой инструмент дальнейшей полезной для человека обработки опытного поля. Подобной догадкой, наряду с «обнаружением» психофизиологического поля реального человека, при вычленении в эмпирическом потоке устойчивых «комплексов ощущений» (инвариантов) является и традиционное материалистическое «обнаружение» внешних предметов. Длительное наблюдение за «островками стабильности» в текучем поле опыта позволяет человеку сделать логический вывод о том, что за пределами опыта этим феноменам соответствуют независимые от внутреннего мира человека реальные предметы с их стабильными свойствами.

Далее, анализируя закономерности в поведении этих «островков стабильности», человек неизбежно отмечает факт существования между некоторыми из них определенного элемента стабильной ассоциативной «сцепки», что позволяет ему «обнаруживать» факт детерминистических взаимосвязей между реальными предметами и событиями.

Итак, активно препарируя собственную эмпирику, подвергая ее образно-логической обработке, осмыслению, можно последовательно двигаться изнутри феноменального мира человека по пути угадывания свойств как внешних предметов, так и собственного внутреннего психофизиологического поля, вместилища «переживания». Сделав ряд значимых догадок, человек испытывает потребность сориентироваться в новой ситуации, выработать активную позицию, разработать подходящий для этой ситуации алгоритм поведения. Поскольку он не может непосредственно «влезть» в материальную ситуацию, от которой его отделяют рамки феноменального мира, он вынужден эту ситуацию *моделировать* в своем внутреннем мире. По поводу этих своих догадок человек создает посредством своего практически сориентированного творческого мышления ряд образно-логических конструктов, которые сопоставляет с обнаруженной материальной ситуацией. Впоследствии все частные конструкты соединяются синтезирующей способностью его мышления в виде единого системного конструкта-представления о мире.

Таким образом, человек *добавляет* к исходному феноменальному миру *два новых*: гипотетический, основанный на догадках и закрепляющей их вере, обнаруживаемый в актах мышления материальный мир (по Канту - трансцендентный) и сопоставляемый с ним сконструированный его же мышлением *мир модельного представления* (трансцендентальный). Последний возводится человеком по поводу реального мира, в целях успешного практического ориентирования в нем, через средство активного препарирования феноменального мира.

Подспудно подразумевая материальный мир, человек на деле осуществляет свое частное бытие в рамках и по правилам модельного мира. Здесь прав прагматик Джемс: человек воспринимает мир через систему истин, которые он высказывает относительно этого мира [18]. Прагматическая связь между этими тремя мирами закладывается изначально по воле нуждающегося в успешном практическом хозяйствовании человека. Человек создает схемы модельного мира именно для успешного организованного целесообразного ориентирования своего материального организма в материальном мире.

В качестве наглядного представления соотношения упомянутых миров удобно привести пример оператора, работающего на производственном манипуляторе. Перед этим оператором вместо материальной реальности – картинка на мониторе, получаемая с системы наблюдения, видеокамеры. Он управляет работой материального механизма, имея под руками пульт управления, состоящий из нескольких рычажков и кнопок. При этом он должен быть уверен в том, что 1) за картинкой на мониторе стоит реальная материальная среда, с которой требуется совершить запланированное преобразование; 2) за системой рычажков и кнопок стоит материальный производственный механизм с определенным функциональным

потенциалом; 3) происходящее на мониторе достаточно адекватно соответствует ходу реального материального процесса; 4) манипуляции пультом управления вполне адекватны преобразующим воздействиям производственного механизма; 5) используемый им алгоритм манипуляций приведет его к успешному выполнению производственного задания, как уже было не раз.

Здесь достаточно вместо картинки на мониторе подставить феноменальный мир, вместо пульта управления и алгоритма манипуляций – модельный мир, и все станет предельно ясно.

Кроме прочего, становится ясно, что в частном бытии человека весьма значительную роль играет особая психологическая установка, называемая *верой*. Это неотъемлемый элемент, без которого не построить адекватной картины мира. По аналогии с упомянутым оператором любой практический человек демонстрирует стихийный материализм, сопряженный с несколькими аспектами веры:

- 1) за скопищем феноменов в мире его «переживания» стоят образования материальной природы;
- 2) сам он так же являет собой материальное природное образование, способное вступать в материальные взаимоотношения с другими природными образованиями;
- 3) при взаимодействии ему удастся в достаточно адекватной для его практики мере обнаруживать и воспроизводить средствами своей чувственности и своего мышления, то есть, чувственно-мысленно моделировать реальные особенности природных образований, в том числе и собственного организма;
- 4) его причинные гипотезы имеют достаточно адекватную опору в реальном детерминизме. То есть в итоге он получает достаточно адекватное своей текущей практике представление о нюансах взаимодействий природных образований (включая и его собственную телесную оболочку) друг с другом, нюансах протекания природных процессов и взаимопорождения реальных событий;
- 5) неоднократно испытанный ранее успешный алгоритм практических действий, основанный на использовании утвердившегося модельного представления о мире, непременно вновь приведет к успеху, поэтому его следует без всяких сомнений использовать в текущем опыте и в будущем.

Вера помогает более тесно, отбросив отвлекающие сомнения, осуществлять связь между модельным, феноменальным и материальным мирами. Если описанный нами выше оператор осуществляет дистанционное управление, то он не сможет методологически строго доказать факт действительного существования описанной выше материальной производственной ситуации. Это все вполне может оказаться лишь видео-тренажером на обучающем комплексе. Именно вера побуждает волю оператора действовать. А ситуация

может проясниться лишь на практике, когда ему заплатят (или не заплатят) по итогам совершенной работы.

В обоих случаях, и в актах уверования в мир материальных предметов, и в творческих актах конструирования модельного мира и уверования в истинность модели, имеет место психический воображаемый выход за пределы непосредственного опыта, что являет собой акт (скачок) *трансценденции*.

Большинство философов-эмпиристов расценивают трансценденцию как акт недопустимого насилия над эмпирическим опытом, пытаются в своих учениях обойтись без нее. Они останавливаются на этапе фиксации составляющих эмпирического опыта, называемых у разных авторов «комплексами ощущений», «чувственными данными», «нейтральными элементами» мира, «сенсibiliями» и т.п. При этом ограничиваются лишь констатацией особой загадочной организации тех из этих составляющих, за которыми другие угадывают реальность внешних предметов и системного психофизиологического поля человека, наличие детерминистических взаимосвязей между ними. Причем принцип констатируемой организации у эмпиристов остается непостижимым, и методологии ее постижения, помимо все того же примитивного «метода проб и ошибок» не существует. Получается, позиция эмпиристов в этом вопросе ничего не дает людям полезного в практическом отношении.

Коль скоро человек избирает активную прагматическую позицию, он встает перед необходимостью дифференцировать исходное Переживание, отбирать в его недрах полезные для себя феномены и избавляться от бесполезных, вредных и таящих опасность. В массе феноменов при этом должен быть с очевидностью выстроен вектор приоритетов, так что весь собранный материал нуждается в полезной классификации.

В связи с этим становятся актуальны активное дифференцированное восприятие переживаемых феноменов в виде отдельных образов, аккумуляция памяти об обретенном ранее опыте и аппарат экстраполяции успешных фрагментов прошлого опыта на текущую ситуацию и сходные ситуации в будущем. Очевидно, без использования логической индукции здесь не обойтись. А любой акт индукции неизбежно сопряжен опять-таки с выходом за пределы непосредственного опыта, с попыткой внесения в него «чуждых» фрагментов прошлого опыта, с пресловутой трансценденцией. Запрещение же этой разновидности трансценденции ведет фактически к отказу от использования прошлого опыта, так что позиция эмпиристов оказывается в этом вопросе стопроцентно антипрагматичной.

В противовес этому подход продвинутого материализма (синтезирующего реализма) сопряжен с признанием «запытной» реальности свойств

предметов и системного личностного поля человека, особенностей их взаимного детерминирования, имеет своей четкой целью процесс постепенного углубления познания всего этого, приближения к нему своих модельных представлений. Материализм традиционно предлагает и совершенствует методологию, аппарат освоения-познания реальности. Таким образом, материалистический подход выигрывает у эмпиризма в практическом отношении – и в этом его принципиальное преимущество. Битва идей, в данном случае, дает реальные плоды лишь при переходе из чисто интеллектуальной сферы в сферу человеческой практики.

Три мира – три метода представления

Итак, модернизированный материалистический анализ внутреннего мира бытия человека привел нас к констатации истинности кантовского разделения его на три составляющие. Бескрайнему и бесконечно-сложному реальному миру противостоит ограниченный мир человеческих феноменов, на базе которого посредством мыслительных операций абстрагирования и конструирования возводится знаково-аналоговый мир мысленно-чувственного модельного представления. Это три принципиально разных мира, сопоставляемых друг с другом, но не сводимых друг к другу. Они с очевидностью требуют для своей интерпретации трех совершенно разных методологий. И хотя с эпохи Канта прошло уже достаточно много времени, приходится с сожалением констатировать, что философия пока не пришла к достаточному осознанию этого факта.

Отсутствие ясности в понимании *тройственности* человеческого бытия неизбежно вызывает путаницу в умах. И сегодня сплошь и рядом имеют место случаи, когда элементы и целые фрагменты одного мира произвольно переносятся запутавшимся мышлением в другой мир, и в итоге получается чудовищная неразбериха. Примером может служить незавидная доля таких важных философских категорий и их сочетаний, как детерминизм и причинность, необходимость, случайность, свобода воли и пр. Некоторые аспекты отмеченной неразберихи уже были нами рассмотрены в упомянутых выше работах. Остальные ожидают своей очереди.

Самым важным обстоятельством, выяснившимся в итоге нашего исследования, считаем тот факт, что материалистический подход к описанию и объяснению действительности, при условии его должного развития, вовсе не чужд глубокому выяснению аспектов субъективного мира человека. Он способен полноценно работать на поле, где до этого полновластно господствовали субъективизм и эмпиризм, активно воспринимать, брать на вооружение отдельные конструктивные элементы их философских учений, давать им свою более глубокую и адекватную интерпретацию и в итоге гармонично вплетать в канву объединяющего философского синтеза.

Литература

1. Калмыков Р.Б. Кольцевой детерминизм: решение проблем научного материализма. http://sinthes.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?id_razdel=163569&action=article
Зеркало <http://new-idea.kulichki.net/pubfiles/071110215053.rar>
Зеркало 2 <http://www.wbabin.net/physics/kalmykov3r.pdf>
2. Калмыков Р.Б. Синтезирующий реализм: системное единение философского знания. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-337.phtml>
Зеркало http://sinthes.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?id_razdel=163568&action=article
3. Калмыков Р.Б. Аспекты частного бытия относительно автономных природных образований. <http://filosofia.ru/76425/>
Зеркало <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-339.phtml>
Зеркало 2 http://sinthes.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?id_razdel=163591&action=article
4. Калмыков Р.Б. Сэр Исаак Ньютон и три закона детерминизма. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-345.phtml>
Зеркало http://sinthes.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?id_razdel=163570&action=article
Зеркало 2 <http://www.wbabin.net/physics/kalmykov4r.pdf>
Зеркало 3 <http://new-idea.kulichki.net/pubfiles/071110215823.rar>
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.1979, с.375
6. Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2-х т. М., Т.1, 1955, С.202.
7. Кант И.Соч. в шести т.М.1963-1966.Т.3,с.141-149
8. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн.собр.соч., 5-е изд., Т.18
9. Кулис Р.Р. Проблемы бытия и истории в немецкой «Философии жизни»/Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, «Зинатне»,1988, с.32
- 10.Калмыков Р.Б. К проблеме активизации образного начала в философском мышлении./ Вестник научно-промышленного общества. Москва, изд-во АЛЕВ-В, 2001, Вып.2, С.48-58
Интернет-вариант: Калмыков Р.Б. Ревизия способа философского мышления: апология образа. http://sinthes.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?id_razdel=163588&action=article
Зеркало <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-341.phtml>
Зеркало в «Библиотеке Ихтика» http://ihtik.lib.ru/philosarticles_21dec2006/
№ 3986

11. Калмыков Р.Б. О содержании человеческого переживания./ Вестник научно-промышленного общества. Москва, изд-во АЛЕВ-В, 2002, Выпуск 4, С.100-128
Интернет-вариант:
http://sinthes.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?id_razdel=163590&action=article
Зеркало <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-343.phtml>
Зеркало в «Библиотеке Ихтика» http://ihtik.lib.ru/philosarticles_21dec2006/№6804
12. Кузьмина Т.А. Проблема субъекта в совр.бурж.философии.(Онтологический аспект).1979, С.110
13. Кузьмина Т.А. Там же, С.132
14. Кузьмина Т.А. Там же, С.153
15. Кант И. Соч. в 6-ти т., М. 1964, Т.3, С.191-192
16. Кузьмина Т.А. Проблема субъективности и способ ее анализа в совр. бурж. философии./ Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, «Зинатне»,1988, с.18-19
17. Кузьмина Т.А. Проблема субъекта в совр.бурж.философии.(Онтологический аспект).1979, С.164
18. Бурж.философия XX века. М.Политиздат,1974, С.94